

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Вас. Ив. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Публикация С. М а н а ш и н а

Писательское имя Василия Ивановича Немировича-Данченко (1848—1936), чьи воспоминания о Некрасове ниже публикуются, забыто современным читателем.

Автор принесших ему известность корреспонденций с театра действий русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (отд. изд. «Год войны», 3 т., СПб., 1878), читавшихся всей грамотной Россией тех дней, неутомимый путешественник по отдаленным и мало известным тогда окраинам нашей страны, описавший свои впечатления в бесчисленных «путевых очерках» и фельетонах, Немирович-Данченко был также плодовитым беллетристом. Но его удельный вес писателя нисколько не определялся количеством созданного им. От начала до конца своего долгого литературного пути Немирович-Данченко оставался писателем, схватывающим явления жизни поверхностно, никогда не поражая ни глубиной, ни яркостью. Его произведения не перечитывались и скоро забывались.

Подведя, еще перед Первой мировой войной, итог своей литературной деятельности изданием 18-томного собрания своих сочинений (изд. «Просвещение», СПб., 1911—1915), Немирович-Данченко писал после этого мало и случайно. Интерес к нему как к писателю иссяк уже тогда.

После Октябрьской революции Немирович-Данченко доживал годы своей долгой старости за границей, где и умер в 1936 г. (в Праге). Не столько преклонные годы, сколько отрыв от национальной почвы — родной страны и народа, почти полностью обесплодили последнее двадцатилетие жизни писателя. Ему не удалось завершить и начатой им в середине 1920-х годов обширной, судя по наброску плана, мемуарной работы под названием «Близкие дали» (вышел лишь один том под самостоятельным заглавием «На кладбищах»).

Находясь весной 1945 г. в Чехословакии в составе действующих частей Красной Армии, я случайно узнал о местонахождении бумаг, оставшихся после смерти Немировича-Данченко. В дачном местечке Н о г н у Р о џ е г н і с у под Прагой, в семье погибшего в немецком концлагере в Терезине любителя русской литературы д-ра Vojtech Hudaček, я ознакомился с материалами. Они были малочисленны и случайны. Но среди них находилась публикуемая рукопись воспоминаний о Некрасове. Она была подготовлена автором для напечатания в качестве самостоятельной статьи в связи с 50-летием со дня смерти Некрасова, исполнившимся в 1927 г. Что касается датировки самого содержания воспоминаний, то, как явствует из их текста, они относятся к началу 1870-х годов, и даже точнее, к 1874 г. Таким образом, автору было 80 лет, когда он вспоминал о начале своей литературной работы и записывал о встречах и разговорах с Некрасовым, Щедриным и др.

Мемуарист, пишущий о встречах с великим писателем, своим современником, через полвека после его смерти, когда уже совершилась «канонизация» этого писателя в классика, неизбежно ограничен в индивидуальной непосредственности передаваемых им личных впечатлений. Вольно или невольно, они всегда проходят через фильтры существующих общих представлений позднейшего, часто уже историко-литературного, происхождения. Мемуарный очерк Немировича-Данченко о Некрасове не состав-

ляет исключения. И тем не менее, берясь за перо, автор хотел писать и написал именно литературные воспоминания, а не переложение в мемуарный жанр историко-литературных и биографических сведений о поэте.

Доказательством «мемуарности» публикуемого текста служит ряд деталей его содержания, источником которых могло быть только лично слышанное и виденное, а также нарочитая субъективность, внесенная автором в изложение центрального эпизода воспоминаний — своего сотрудничества в «Отечественных Записках». Правда, эта субъективность выразилась не столько в том, что автор сказал о себе, сколько в том, что он утаил от читателя, но это обстоятельство не меняет дела.

Немирович-Данченко вспоминает о своем появлении в «Отечественных Записках». Он приводит слова Некрасова и Щедрина, звучащие весьма лестно для его первых литературных дебютов и расхваливающие, в частности, его очерки «За северным полярным кругом». Однако нарисованная мемуаристом картина и неполна и не вполне верна.

Сотрудничество Немировича-Данченко в «Отечественных Записках» оказалось кратковременным и неудачным. Впервые он выступил здесь как поэт. В 1871 г. он предложил Некрасову стихотворный цикл под заглавием «Из песен о павших». Стихи были слабые и, видимо, мало понравились Некрасову. Но он все же напечатал пять стихотворений («Отечественные Записки» 1871, № 11, отд. 1, 243—246, подпись: «Д»). Извещая об этом автора, Некрасов писал: «Во уважение серьезных причин, изложенных в Вашем письме, а равно и достоинств Ваших стихотворений, редакция «Отечественных» Записок» напечатала некоторые из них — лучшие по ее мнению». (Письмо от 22 ноября 1871 г. — «Звенья», 1935, V, 514). Через два месяца Некрасов дополнительно поместил в журнале еще два стихотворения из того же цикла: «Освобожденный» и «После войны» («Отечественные Записки» 1872, № 2).

Ободренный успехом и полученным гонораром, Немирович-Данченко благодарил Некрасова в письме от 23 февраля 1872 г.: «Очень и очень Вам обязан и за нравственную и за материальную поддержку. Позвольте надеяться, что и вперед Вы не откажете мне в добром расположении Вашем <...>. Отчего судьба не закинула меня к Вам пять лет тому назад! Иначе была бы направлена моя жизнь»... (Письмо не издано, публикуется В. Евгеньевым-Максимовым во II выпуске настоящего тома, в разделе: «Письма к Некрасову»).

Из того же, только что цитированного письма Немировича-Данченко мы узнаем, что еще в декабре 1871 г. он выслал в редакцию «Отечественных Записок» (Н. А. Демурту) рукопись, под названием «Тьма непроглядная (Очерки из жизни подневольного странника)» и собирався выслать «на суд» Некрасова «поэму», которую заканчивал. Однако ни то, ни другое произведение на страницах «Отечественных Записок» не появилось (очерки и рассказы «Подневольные странники» вышли в 1877 г. отдельным изданием в двух томах, у М. О. Вольфа).

В 1874 г. Немирович-Данченко, уже составивший себе к этому времени репутацию бойкого и заимательного очеркиста, чьи «путевые записки» печатались и в «Вестнике Европы», и в «Деле», и в ряде газет, вновь сделал попытку обосноваться в «Отечественных Записках». К этому моменту непосредственно и относятся публикуемые воспоминания. Предложенные им «очерки Мурманского берега», под общим названием «За северным полярным кругом», были приняты Некрасовым и Щедриным и появились в 8, 9 и 10-й книжках журнала за 1874 г. Однако на этом сотрудничество Немировича-Данченко в «Отечественных Записках» и кончилось. Успешно начатая им, как раз в это время, карьера разъездного фельетониста-очеркиста в «большой» либеральной прессе, приведшая его скоро в «Новое Время», сделала его участие в радикальном органе явно нежелательным, а затем и невозможным для него самого.

Уже в начале 1877 г. Щедрин ядовито высмеял в V главе «Современной Идиллии» элементы «хлестаковщины» в путевых очерках и корреспонденциях Немировича-Данченко, о которых даже один из его собратьев по перу деликатно писал, что «они полны поэзии и, если угодно, художественной правды, но возбуждают сомнения со стороны исторической и географической». А четырьмя месяцами позже Щедрин напечатал

свой знаменитый очерк «Тряпичкины-очевидцы» («Отечественные Записки» 1877, № 8) — одну из наиболее яростных и беспощадных своих сатир на беспринципность, развязность и лживость буржуазной печати и ее деятелей. При всей художественной обобщенности сатирических образов «дунайского корреспондента Подхалимова 1-го» и его газеты «Краса Демидрона», Щедрин дал вполне точные указания на ближайшие реальные прототипы сатиры. Ими были Немирович-Данченко (неоднократно упоминаемый в тексте и под своим именем и его военные корреспонденции 1877 г. в суворинское «Новое Время».

В литературно-журналистских кругах щедринская пародия-памфлет надолго закрепила за ново-временским корреспондентом кличку «Тряпичкина-очевидца». Писательской репутации был нанесен ущерб. Однако Немирович-Данченко нашел в себе мужество признать, хотя бы и задним числом, обоснованность и принципиальность щедринского высугления. Об этом свидетельствует его неизданное письмо к А. С. Суворину от 27 мая 1889 года, в котором читаем:

«Да, умер Щедрин! Вот и еще один «из славных сих» угас. Суров был покойник, ох, суров! Кто не побывал под его желчью! Помните, как он меня в корреспонденте с Дуная честил, да журмя-журил? Сколько потов с меня тогда выгнал! Но ведь и вправду молод-зелен был, завирался для шику. Мир праху его» (ЦГЛА, фонд А. С. Суворина).

В свою очередь, и воспоминания Немировича-Данченко свидетельствуют, что престарелый писатель не сохранил в своей памяти никакого явного или угаенного чувства недоброежелательства к сатирику, хотя по понятным причинам предпочел умолчать о рассказанном эпизоде, который, разумеется, не был забыт.

Печатаемые воспоминания не дают чего-либо принципиально нового для характеристики и понимания Некрасова. Но они и не мельчат образ поэта в бытовых подробностях и анекдотических мелочах. Они говорят о том, что является в том или ином отношении существенным для житейской и литературной биографии поэта (внимание к начинающим писателям, отношение к Пушкину, забота о нуждающихся литераторах и т. п.). Эти свидетельства, исходящие от писателя-современника и записанные с чувством несомненной любви к великому поэту, заслуживают внимания исследователей его жизни и творчества.

МОИ ВСТРЕЧИ С НЕКРАСОВЫМ

Оглядываясь в далекое прошлое, вижу в его туманных далях бесконечную галерею отошедших от нас властителей дум. Из сплывающегося фона пережитых былей едва ли не самым отчетливым выступает передо мною характерный облик Н. А. Некрасова. И сейчас в моих ушах звучит хриплый, как будто простуженный голос поэта и внимательно всматриваются его пристальные глаза, угадывающие во мне самому мне неясное. Под жесткими усами чуть скользит недоверчивая улыбка, смягченная снисходительностью к маленьким слабостям других, а может быть, и трудную памятью о себе самом.

Я уже напечатал в «Вестнике Европы» «Соловки» и начал в «Деле» очерки «У океана»¹. Мои первенцы были хорошо приняты литературным миром². Это окрылило меня. Захотелось проникнуть в «Отечественные Записки», где за год перед тем Демерт уже включал в статьи о русской провинции выдержки из моих писем. В то время мы, молодые, с тревогой, робостью и неуверенностью стучались в двери этой редакции, где заправилами сидели сами «боги»: Некрасов, Щедрин, Михайловский. Помню, как крупные, уже признанные таланты, вроде Глеба Успенского, поминали царя Давида и всю кротость его, ожидая свидания с грозным Михаилом Евграфовичем. Ведь Щедрин подчас был так суров и не стеснялся не только с начинающими. Более того, с ними у него суровость была скорее ласковая, нужно было лишь уловить ее: брови хмурились, а глаза смеялись. Но с генералами от литературы он совсем не церемонился. Редактор-

ского респекта к модным именам и авторитетам у него не было и тени. Никогда не мог я забыть, как растерялось одно такое восходящее и модное «светило», когда, теребя его рукопись нервными пальцами, сатирик вдруг огоршил «светило», не стеснясь присутствующими, своим громогласным басом: «Ну, батюшка, вы тут столько набоборыкали»³. Я, признаться, вчуже смалодушествовал и направился было к дверям, да наткнулся прямо на Николая Алексеевича. Он угадал в чем дело и удержал меня за локоть, смеясь: «Погодите, мы прочли ваши очерки «За северным полярным кругом». И ему (кивок в сторону Щедрина) понравилось».

— Понравиться-то понравилось,— сердито забасил опять Салтыков.— Да уж очень кругло пишете. Ни на один сучок не наткнешься. А только, чего это вы со всех колоколен зазвонили? Довольно бы и с одной! Сколько литературных просвирен взбудоражили. Не на пожар, слава Богу! И «Вестник Европы», и «Дело», и «Неделя», и «Голос».

Некрасов вступился.

— Нет, это он хорошо. Сразу имя себе сделал.

Щедрин не унимался.

— Сделал-то сделал, но нельзя же так. Точно с луны свалился, проломил крышу и с целым грузом рукописей. Сидят почтенные Стасюлеви-чи, истово журчат тихою беседою, как по нотам. И вдруг этакое чудище — шарáх на головы... Получайте. Караул закричишь!

* * *

Редакторы в наше время не стеснялись. Я помню, как тот же Щедрин гильотинировал один слишком затянувшийся роман, кажется, Гирса. Роман не понравился Михаилу Евграфовичу, он просил автора прикончить его, а тот, наоборот, пообещал еще две полновесные части. И вдруг в новой книжке журнала с ужасом прочел описание грандиозной стихийной катастрофы, в которой безвременно погибли все его действующие лица...⁴

...Надо сказать, что Н. А. Некрасов ко всему, что носило печать таланта, относился не только внимательно, но и трогательно. Особенно если молодой писатель был беден, а кто же из нас тогда был богат? Он для таких являлся не издателем, а скорее товарищем, собратом, если хотите, опекуном. Время было тяжелое. Капитал еще не врывался в печать, и самые популярные впоследствии издания начинались с такими ничтожными средствами, с какими нынче не выпустишь и тощей книжки. Случалось для очередного номера закладывать жинины серебряные ложки. Разумеется, это не относилось к «Отечеств. Запискам», «Вестнику Европы», «Делу» или «Русскому Вестнику», но и у них бывали затруднительные минуты. Ведь впоследствии средней руки автор за газетный фельетон получал больше, чем, например, Достоевский за печатный лист в мое время.

Н. А. Некрасову не легко достался издательский успех. А ведь он помимо громадного таланта обладал еще практической сметкой, какой не могут похвалиться и заправские коммерческие дельцы. Это и помогло ему создать не одно крупное литературное предприятие, не скупясь с сотрудниками, а широко по тому времени тратя на них подписные тысячи⁵. Он никогда не мог забыть пережитых им былей. Первые годы его литературной деятельности в Петербурге отмечены тяжелыми лишениями, даже ницетою. Я могу здесь привести со слов Николая Алексеевича страничку из мартиролога некрасовской юности⁶.

Был скверный осенний вечер в Петербурге. Я встретил поэта на набережной Невы у Зимнего дворца. Ни красок, ни света, все темно и серо кругом, дали казались намеченными карандашом в тумане. Николай Алексеевич стоял, опершись на гранит у Зимнего Дворца. Внизу грузно плыла свинцовая Нева. Холодом веяло. Он оглядел меня и усмехнулся:

— Как вы сейчас напоминаете мне меня самого много, много лет назад. Что, у вас нет теплого пальто?

— Есть. Только я не люблю кутаться.

— Ну, я бы тогда закутался с удовольствием. У меня не один такой вечер в памяти. Позади нетопленная квартира, за которую несколько месяцев было неплачено. Так же я здесь вот стоял и смотрел в ту сторону через реку. Там огоньки мигали. И думалось — завернуть в простыню «Сто русских литераторов» Смирдина, навязать себе на шею и бултыхнуться в тусклую Неву. Трудные были годы... Каторжные... Много они в моей душе вытравили и здоровья отняли не мало.

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Автолитография В. Фялы, 1940 г.

Собрание художника, Прага

— У вас отец был богатый.

— Богатый? Нет. Средства, как у средней руки помещика, да... только мне легче было бы жернов на шею... Я мать любил... — оборвал он свой рассказ.

Я думаю, его чуткость к чужой нищете шла именно с этого времени. На себе испытал ее унижения. Часто безжалостный и суровый даже со своими богатыми друзьями — он совершенно менялся, встречая нищего писателя. Мне известны случаи, когда он помогал таким во враждебном ему лагере. Анонимно. Я думаю, они никогда не узнавали — откуда сваливалась к ним благодетель. Раз он через меня послал крайне нуждающемуся мелкому юмористу, лично его преследовавшему когда-то довольно глупыми стихами в благовременно угасшей «Занозе». И глупыми, и, правду сказать, подлыми ⁷.

— Откуда вы? — встретил меня в воротах дома, где жил тот.

— От ***

Поморщился.

— Охота вам с такой свиньей знаться.

— Нуждается... В доме ни копейки. Больной. Жена плачет.

— Да? Пойдемте вместе...

Молча прошел до своей квартиры в доме Краевского на Литейной.

— Зайдите. У него дети, — говорите?

— Двое...

Нахмурился.

— Дрянь он большая... А все-таки... Жена не причем... Вот что, садитесь на извозчика и слетайте к нему.

— Зачем?

Вложил в конверт две сторубливки, — по тем временам деньги. Ведь в лучших случаях платили по пятидесяти с листа средней руки писателям.

— Только дайте мне слово: ни гу-гу от кого... Если проговоритесь, — никогда не прощу вам. А через неделю вы ему еще отвезете.

Таких анонимных пособий он не мало рассылал. Часто даже не через своих, а был такой лакей-доверенный А. А. Краевского Гаврила, известный всему литературному Петербургу. Надежный человек. Некрасов в деликатных случаях пользовался его услугами. Смешно было, когда знавшие Гаврилу потом являлись благодарить ничего не понимавшего Андрея Александровича Краевского, человека в денежных отношениях точности казначейской, но и неподатливости тоже казначейской.

— Не Гаврила же им помогает? — разводил он руками.

Я мог бы назвать ряд и крупных и малых писателей, которых таким образом не раз товарищески выручал Н. А. Некрасов.

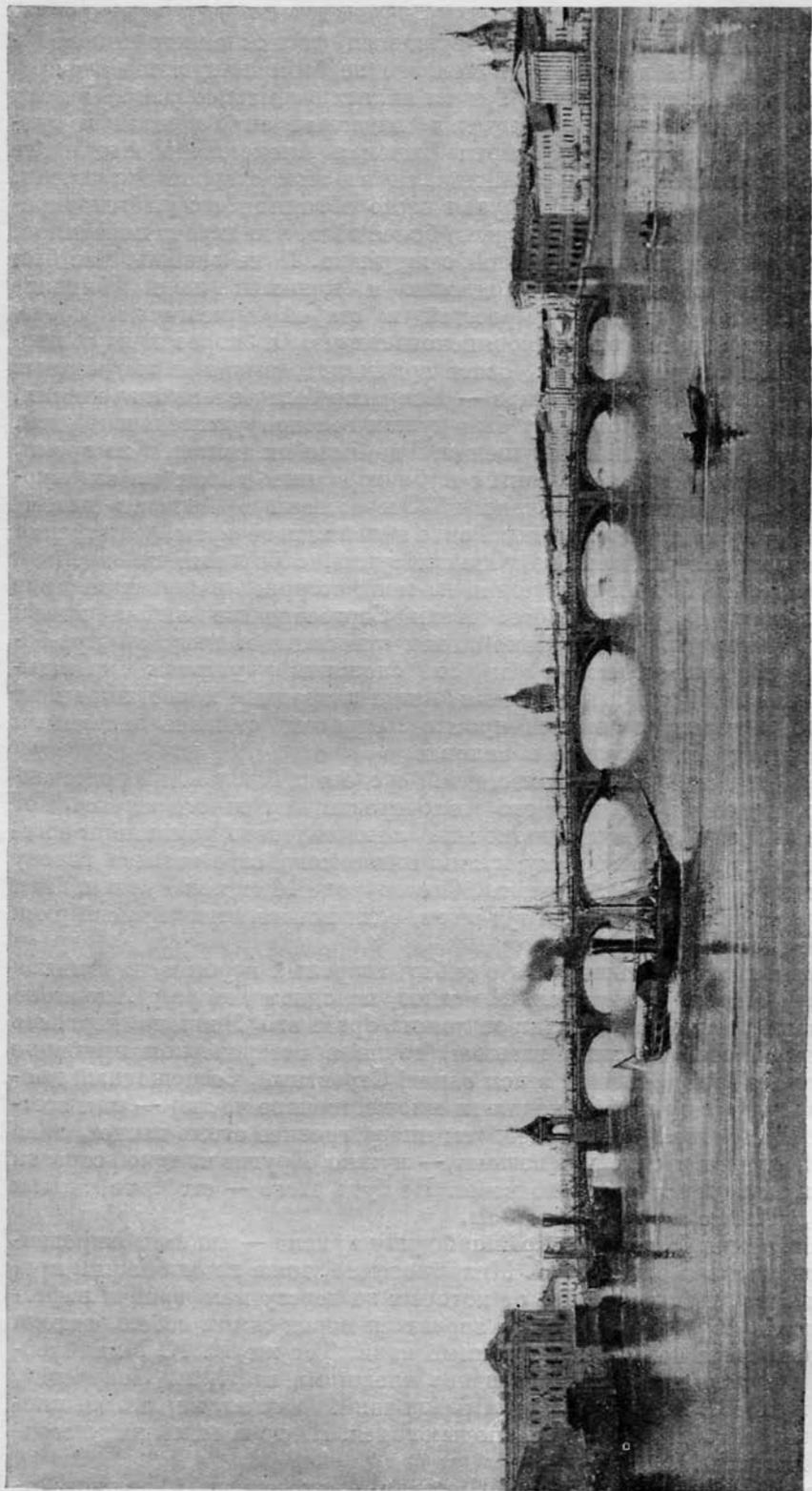
Что за чудесный кружок собирался у Некрасова! Мне редко приходилось бывать там. Я бродяжничал по всей России, но не могу не вспомнить и не упомянуть добрым словом одного из благороднейших наших поэтов, Алексея Николаевича Плещеева. Передо мной до сих пор, точно вчера было, стоит этот друг Некрасова и его ближайший сотрудник по редакции. Не было человека в нашей литературе, который бы так сердечно, я бы сказал, так чутко относился к молодым, еще не печатавшимся поэтам, раз в их первых пробах он замечал искры настоящего дарования. Он их холил, как редкое, нежное, тепличное растение, требующее пристального ухода. Сколько он сделал для Надсона, для Гаршина!

Сын Плещеева, Александр Алексеевич, наружностью очень напоминает отца. Только тот был выше, монументальнее. Тип старинного русского бояринства, в его лучших образчиках. В его фигуре, на его лице лежал отсвет внутреннего благородства. Якоби, Маковский, да не только эти художники охотились за ним, но Алексей Николаевич решительно отказывался позировать им. Не любил показу. «Только этого недоставало, чтобы я являлся перед публикой в бутафорских костюмах». Н. А. Некрасов говорил о нем: «У него тоска по гению. И он его всюду ищет». У старых писателей было это. Даже у А. С. Суворина. Я помню, каким для него явилось праздником, когда А. Н. Бежецкий * (а отнюдь не Д. Григорович) открыл Америку в «Осколках» и «Будильнике» — тогда еще молодого Чехова. Целую неделю ходил именинником и говорил Буренину:

— Берегите его. Не давайте в обиду, за него и вам много простится.

* *
*

В Некрасове часто замечалось два человека. За письменным столом, в редакции — один. Друг и товарищ писателя, он в Английском клубе или со своими чиновными, богатыми и аристократическими друзьями казался совсем другим. Двудликий Янус. Но хорошою стороною обра-

НИКОЛАЕВСКИЙ МОСТ В ПЕТЕРБУРГЕ

Акварель И. Шарлеманя, 1852 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

щенный к нам, ко всем, кто в нем нуждался, до последнего типографского рабочего, рассыльного. И в нем это не было напускное, личина для публики, для рекламы, нет! Тут он являлся самим собою. И в этом его бы не узнали клубные завсегдатаи, видевшие его за зеленым сукном. Столько лет прошло со смерти Николая Алексеевича, что я, не оскорбляя его памяти, могу остановиться на этой стороне его жизни.

Враги, да сказать правду, и друзья часто обвиняли его (за глаза разумеется) в том, что он крупно играет, более того, что играет наверняка. Лицемерно оправдывали его заботой о журнале. И не знаешь, кто был подлее в этом соревновании подлости и клеветы: люди, близкие к нему, или посторонние. Выросший в старой помещицкой среде, не в идиллии тургеневского «Дворянского гнезда», а скорее в аду щедринских героев, под лай собак, свист арапников, рыдания замученных женщин и бешеные крики игроков — Некрасов был человеком великих, неукротимых страстей, которому был нужен головокружительный риск, опасности, сбивающие с ног ощущения. Где было их искать в то время, да еще ему, связанному серьезным и благородным делом таких журналов, как «Современник» сначала и «Отечественные Записки» потом?

Отводом бунтующей, неукротимой силе и являлся вечером Английский клуб с целыми состояниями на зеленом сукне, с борцами на жизнь и на смерть кругом. В этом отношении на моей стороне являются великие тени Тургенева и Достоевского. Иван Сергеевич не любил поэта. Жизнь поссорила их. Федор Михайлович относился к нему с остро-болезненною подозрительностью и со сложным чувством вражды-любви. Но и тот и другой негодовали, когда злорадные клеветники в их собственных лагерях выдвигали против Некрасова ставшее банальным от частого повторения гнусное обвинение.

Тургенев, выросший сам в помещицкой среде и наблюдавший родственные Некрасову типы, называл его «головорезом карточного стола». Вот подлинные, хорошо запомнившиеся мне слова великого романиста: «Некрасова не выигрыш тешит. Ему нужно или самому себе сломать голову или в пух и прах разбить другого. Своего рода Малахов курган. Там благородная игра со смертью, а тут тоже, если хотите, смертельный риск остаться нищим».

Достоевский говорил иначе. Он сам был азартный игрок и, вспоминая Некрасова, точно оправдывался. Я помню, на одном вечере у Аполлона Николаевича Майкова он схватил за локоть брата его, Леонида, дергаясь и зло сверкая сощуренными глазами, точно в истерическом припадке выкрикивал: «Дьявол, дьявол в нем сидит! Страстный, беспощадный дьявол! Одержимые (он уже переходил на множественное число) — они всегда такие. И чем сверху спокойнее, тем внизу грознее огонь пышет, лава вскипает. Ему померяться, чья возьмет, — нужно. Другие из такой страсти убивают, а он направо и налево мечет. Не будь этого — его бы в клочья разорвало, выжгло бы всего... Да-с!».

Человек великих страстей, отводящий душу в риск, — таким в откровенные минуты рисовал его и Н. К. Михайловский, тоже не любивший правильных и соразмерных людей, от которых за версту камфорой и нафталином пахнет. Он, Некрасов, умел терзаться перед самим собою, исходя кровью покаянных стихов, в бессонные ночи. Тот же Н. К. Михайловский и по тому же поводу, возмущаясь клеветами на Н. А. Некрасова, говорил при мне С. А. Венгеру: «Нельзя таких, как он, мерять обыкновенным аршином. Выше штанов не подынешься. Ни до головы, ни до сердца не доберешься».

Как современник и почитатель Николая Алексеевича, я должен ответить еще на одно обвинение, которое не раз слышал в свою жизнь великий покойник. Сам он на него не отвечал, принял страдальчески на

себя, хотя не раз и сгибался под его тяжестью. В этом отношении он выручал любимую женщину, неповинный в ее опрометчивости, но всецело ответствуя за нее. Ему легче было самому корчиться на дыбе, но не бросить на жертву толпе легкомысленную красавицу, которую он так мученически любил в дни своей молодости. Я говорю о капиталах поэта Огарева, которые она поручила какому-то проходимцу М.⁹, а тот или целым рядом спекуляций их растратил, или просто присвоил. Ему верили долго и когда, наконец, потребовали отчета — от них ничего не осталось. Руки

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Акварель С. В. Герасимова, 1936 г.

Третьяковская галерея, Москва

Некрасова были чисты. Я бы на поминках поэта мести и печали не упоминал об этом, если бы недавно в печати опять не выплыла на поверхность эта старая клевета.

Много повинен в несправедливом обвинении Некрасова и Тургенев. Любя Огарева и ненавидя Некрасова, он слепо валил с большой головы на здоровую и клеймил Николая Алексеевича, не стесняясь в выражениях. Но ему, психологу и самому так благородно понимавшему мученичество любви, следовало бы глубже проникнуть в душевную драму Некрасова. Я думаю, в данном случае «преступления» Некрасова являются его величайшим оправданием перед высшей справедливостью. Он не только принял на себя чужую вину, но безропотно всю свою жизнь до самой смерти нес этот крест, ни разу не обмолвившись в свое оправдание и в ее обвинение, в обвинение когда-то так нежно и страдальчески любимой женщины. У него как-то (дело шло о похожем на это факте) вырвалось:

— У кого плечи сильнее, тот и волоки ношу. Нечего сбрасывать ее на слабую спину. Мы только согнемся. А ее она раздавит. И молчи!

И он молчал до конца. Гордо молчал. Как молчал Ив. Серг. Тургенев, восторженно любя хотя и гениальную, но не достойную его женщину. В то время умели любить, даже в медвежьих углах дореформенной и далеко не романтической России!

* *

Некрасов не любил давать начинающим советов, как и что писать. Он говорил: каждый должен вырабатываться сам. Учись ходить без посторонней помощи. Не оглядывайся на других. Сам спотыкайся и, разбивая себе нос, не рассчитывай, что сосед во-время схватит тебя под локоть. Учителя у тебя одни: твой талант и наблюдение. Старайся видеть больше. Именно — видеть. Читатель смотрит — а ты видишь. Чтобы наблюдать, надо также учиться. Не кляни неудачи, они лучшие профессора. Неизвестно еще, что полезнее — чтение плохих или образцовых вещей. Во всяком случае, первое тоже приносит свои плоды чуткому писателю: в каждом из нас заложены минусы. Ты видишь их ясно у плохого писателя и, если в тебе нет самовлюбленности, скоро, благодаря дурной книге, заметишь и в своем поле скверную траву и выполеши ее.

Как-то Тургенев советовал мне: дайте вылежаться каждой вещи хоть год в письменном столе. Встретясь с Некрасовым, я передал ему этот совет. Он усмехнулся: «Ему хорошо. Этот-то год он и без гонора проживет. Дворянское гнездо. Для ювелирной работы средства нужны. Да и потом, что сегодня прекрасно и во-время подано, завтра оно поблекнет, простынет и как в собачьей плошке салом покроется».

Но раз напечатанное в периодическом издании — для отдельной книги всегда надо переработать. Журнал забывают, книга будет жить. Находя у меня слишком много ярких красок, он советовал: «Вам надо писать, как японские живописцы свои картины. Спросите у Гончарова. Он как-то рассказывал при мне. Они не жалеют колеров и резкостью очертаний не пренебрегают. Но окончив картину и дав ей высохнуть — нежнейшей губкой начинают смывать краски. Теряется подчеркнутость линий и блеск. Все как будто подернуто туманом. К нашей северной природе это идет!»¹⁰

И вскоре, сам себе противореча, он говорил мне: «Нет серой жизни и серой природы, а есть серые люди».

Где-то я читал, что Н. А. Некрасов не любил Пушкина. Это ложь. Свидетельствую об этом. Поэт гражданской скорби не раз и не два говорил и мне и при мне молодым поэтам: «Учитесь грамоте по Пушкину. Не только читайте — изучайте и любите его»¹¹. Любите влюбленно, как любят в юности женщину, с восторгом обожания. В нем не только красота и сила. В нем школа и для вас провидение (теперь бы сказали — интуиция). У него не одна гармония стиха — но внутренняя гармония, он больше кого бы то ни было усвоил тайну стройности и соответствия. Посмотрите, как великолены перспективы его крупных произведений, любой художник — живописец может позавидовать его дальнорзости. А как он умел отбрасывать иногда пленительные мелочи ради стройного целого. Как он целомудренно скуп на сравнения, которые, как настоящий мот, сыщете вы — всё в одну кучу...».

Следовало бы еще откликнуться на то, что больше всего мучило великого покойника, — на его стихотворение, посвященное Муравьеву; но не нам, не нам судить ошибку человека, спасавшего этим благороднейшее дело своего журнала и добрую сотню сотрудников и рабочих, между которыми были такие, именами которых до днесь гордится вся Россия и каждый русский...

Некрасов, читая свои стихи в Английском клубе, на обеде, данном Муравьеву, не предавал, а спасал. И потом целыми потоками покаянной крови смыл эту — не измену, а ошибку...

— Не нам судить тебя,— обращаюсь взволнованно к его печальной тени,— ты сам осудил себя и искупил годами страдания свой минутный грех. И мы давно, благословляя твой гений, благоговейно склоняем голову перед твоею великою тенью!

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами».—«Вестник Европы» 1874, №№ 8 и 9; «У океана. Очерки севера»—«Дело» 1874, №№ 7—9, 11, 12 (Подпись: «В. Н.—Д»). Оба цикла печатались, таким образом, одновременно с очерками «За северным полярным кругом» («Отечественные Записки» 1874, №№ 8—10), а не предшествовали последним.

² Ср., например, отзыв И. С. Тургенева в письме к М. М. Стасюлевичу от 21/9 октября 1874 г.: «Кто автор записок о Солов(ецком) монастыре в В(естнике) Е(вропы)?—Отличная вещь».—«М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», под ред. М. Лемке, СПб., 1912, III, 54.

³ Речь идет о П. Д. Боборыкине — позднейшем литературном конкуренте Вас. Ив. Немировича-Данченко, находившимся с ним в недружелюбных отношениях. В 1874 г. Боборыкин печатал в «Отечественных Записках» повесть под названием «Доктор Цыбулька, рапсодия» (№№ 3—6). Все известные (в печати и письмах) отзывы Щедрина о творчестве Боборыкина, хотя и бывшего постоянным сотрудником «Отечественных Записок», резко отрицательны. Ср., например, отзыв о повести «Долго ли?» («Отечественные Записки» 1875, № 12) в письме к Некрасову от 10 ноября 1875 г.: «Боборыкина повесть — чорт знает, что такое! Ныче литераторы словно здравого смысла лишились». — Н. Щ е д р и н, Полное собрание сочинений, Л.— М., 1937, XVIII, 317.

⁴ Дм. Гирс напечатал в «Отечественных Записках» всего два произведения: роман «Старая и юная Россия» (1868, № 3—4) и «Калифорнийский рудник. Сцены прошлого» (1872, №№ 2—3). Сказанное Немировичем-Данченко к этим произведениям относится не может.

⁵ См. об этом в настоящем томе в работе В. Евгеньева-Максимова «Некрасов-журналист».

⁶ Немирович-Данченко мог слышать о первых петербургских годах Некрасова от свидетеля тогдашней жизни поэта и его друга Николая Федоровича Фермор. Знакомство с ним Немировича-Данченко удостоверяется его стихотворением, посвященным трагической смерти Н. Ф. Фермора, собственноручно записанным автором в альбом сестры умершего — М. Ф. Фермор (хранится в ЦГЛА).

⁷ Сатирический журнал «Заноза», издававшийся и редактировавшийся поэтом М. П. Розенгеймом, просуществовал с 1863 по 1865 гг. Особенностью журнала была анонимность помещавшихся там литературных материалов, поэтому невозможно с полной определенностью раскрыть имя «юмориста», о котором идет речь. Активными сотрудниками были, прежде всего, сам редактор М. Розенгейм, затем Вс. Крестовский, В. Бенедиктов и Н. Лейкин. Скорее всего, рассказанный Немировичем эпизод относится к Розенгейму. Именно он был автором враждебного Некрасову и Щедрину памфлетного стихотворения «Что думает редактор, когда ему не спится» («Заноза» 1863, № 24) и, вероятно, ему же принадлежит и другое, еще более резкое выступление, на этот раз против одного Некрасова — «Русский Ювенал» («Заноза» 1864, № 30).

⁸ А. Б е ж е ц к и й — псевдоним А. Н. Маслова, постоянного сотрудника «Нового Времени», близкого связанного с Д. В. Григоровичем в последние годы его жизни.

⁹ Инициал ошибочен. Речь идет о поверенном А. Я. Панаевой — темном дельце и аферисте Н. С. Шаншиеве.

¹⁰ Ср. с этими словами близкую им по содержанию оценку Некрасовым художественной манеры самого Гончарова, в отзыве 1855 г. на его путевой очерк «Манилла»: «Нужно ли говорить, что статья прекрасная, отличается живостью и красотой изложения, свежестью содержания и той художественной умеренностью красок, которая составляет особенность описаний г. Гончарова, не выставляя ничего слишком резко, но в целом передавая предмет со всею верностью, мягкостью и разнообразием тонов». — «Заметки о журналах за октябрь 1855 года» («Современник» 1855, № 11, см. в наст. томе, стр. 251).

¹¹ С призывами «читать и изучать Пушкина» Некрасов выступал и в печати. См., например, в «Заметках о журналах за ноябрь 1855 года»: «Читайте сочинения Пушкина с той любовью, с той же верою, как читали прежде,— и поучайтесь из них...» — и т. д. («Современник» 1855, № 12, см. в наст. томе, стр. 264).